

УДК [94 + 327.7] (100 + 496.5) |19/20|

АЛБАНСКИЙ ФАКТОР В РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ НАТО НА БАЛКАНАХ В 1990–2000-е ГОДЫ

Е. С. Корнев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: korenev.es@mail.ru

В статье анализируется общая схема использования албанского национализма в качестве специфического инструмента реализации региональной стратегии НАТО на Балканах в 1990–2000-е годы. Особое внимание уделяется рассмотрению позиции Североатлантического альянса по албанскому вопросу в Сербии и Македонии во время подготовки и проведения операций и миссий Альянса. Кроме того, проводится анализ отношений НАТО с Албанией в контексте изменений архитектуры региональной безопасности и рассматриваются геополитические последствия принятия данного государства в ряды организации.

Ключевые слова: НАТО, албанский сепаратизм, Балканы, региональная стратегия НАТО.

The Albanian Factor in the Regional Strategy of NATO in the Balkans in the 1990–2000s

E. S. Korenev

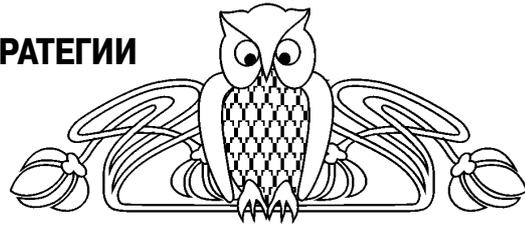
This article analyses the general scheme of using Albanian nationalism as the specific instrument of NATO's regional strategy in the Balkans in the 1990s–2000s. Special attention is paid to the consideration of the North-Atlantic Alliance's position on the Albanian issue in Serbia and Macedonia during the preparation for the Alliance's operations and missions and their conduction. Besides, an analysis is carried out concerning the NATO-Albania relations in the context of the architecture of regional security's change and geopolitical consequences of this state's integration in the organization.

Key words: NATO, Albanian separatism, Balkans, regional strategy of NATO.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-92-98

Начало 1990-х гг. ознаменовалось качественной трансформацией стратегической концепции НАТО. Североатлантический альянс приступил к поиску новых ориентиров собственного развития, поскольку традиционные подходы после окончания холодной войны уже не могли обеспечить успешного развития. Главная задача организации заключалась в том, чтобы в короткие сроки определиться с собственной миссией в реалиях формирующегося однополярного мира. После длительных дискуссий было решено, что одним из главных векторов развития НАТО наряду с традиционным обеспечением коллективной обороны должно стать участие в миротворческих миссиях и операциях в зоне географической ответственности организации.

Кроме того, еще в начале 1990-х гг. было продекларировано, что Альянс будет открыт для

приема новых членов. В целом такое изменение ориентиров свидетельствовало только об одном: НАТО приготовилась к историческому расширению сферы своего геополитического доминирования. Причем произойти оно должно было не в форме проведения классической военной кампании, предполагавшей захват территории и установление оккупационного режима, а при помощи политики «открытых дверей» и осуществления гуманитарных интервенций. Оставалось только выбрать цель и приступить к реализации намеченной стратегии.

Сразу же стало очевидно, что первоочередной целью НАТО станет регион, в котором можно будет апробировать как интеграционные механизмы, так и силовые методы установления собственного геополитического доминирования. На роль испытательного полигона в начале 1990-х гг. лучше всего подходили Балканы, поскольку здесь крах традиционной архитектуры региональной безопасности происходил наиболее болезненно и сопровождался ростом конфликтного потенциала, который Альянс мог использовать в своих интересах.

Крушение коммунистических режимов в Югославии и Албании привело к резкому росту националистических настроений в регионе, которые при отсутствии сильной власти было невозможно ограничить. НАТО было необходимо лишь занять определенную сторону в набиравшем обороты конфликте и начать вести свою игру, придерживаясь известного правила: «разделяй и властвуй». Сохранение единой Югославии явно не входило в планы Альянса, поэтому, когда стало понятно, что распад государства неизбежен, НАТО было необходимо быстро определиться с распределением ролей в Балканском кризисе.

Главным виновником межэтнических конфликтов на пространстве бывшей Югославии были названы сербы¹, жертвами которых, по мнению руководства НАТО, стали албанцы, боснийцы-мусульмане и хорваты, вынужденные взяться за оружие для того, чтобы дать отпор сербскому национализму. Однако в реальности сам Альянс поддержал националистические силы, которые затем пришли к власти в Албании, Боснии и Герцеговине, Хорватии и сербском Косово, и тем самым повысил градус напряженности

в регионе. При этом если в начале и середине 1990-х гг. казалось, что центральное место в балканской политике НАТО занимает поддержка боснийских и хорватских националистов, то к концу десятилетия стало понятно, что еще более важную роль при реализации планов Североатлантического альянса в регионе сыграл и продолжает играть албанский фактор. Именно албанский национализм позволил НАТО установить фактический контроль над Македонией, а также способствовал закреплению военного присутствия организации на территории сербского Косово и в целом помог нанести серьезный удар по сербскому национальному самосознанию, которое могло стать серьезной преградой для евроатлантической интеграции бывших югославских республик.

Эти обстоятельства позволяют предположить, что опора на албанских националистов стала одним из ключевых моментов успеха региональной стратегии НАТО на Балканах в 1990–2000-е гг. Однако для того чтобы доказать данную гипотезу, необходимо проследить эволюцию взглядов руководства Альянса на албанский фактор в балканской геополитике с начала 1990-х гг.

Первая возможность использовать албанцев-радикалов в качестве проводников своих интересов у НАТО появилась в конце 1990-х гг., когда на территории Косово возник очаг крупного межэтнического конфликта. Освободительная армия Косова (ОАК), заявившая о себе в 1996 г., за два года смогла пополнить свои ряды новыми бойцами, получить необходимое вооружение из Албании, где в ходе беспорядков в 1997 г. были разграблены армейские склады, а также наладить получение финансовой помощи из-за рубежа. Значительный объем финансирования боевики получали от албанских эмигрантов, проживавших в государствах-членах НАТО, и, безусловно, спецслужбы в этих странах не могли не знать об этом.

Несмотря на то что даже в США в начальный период существования ОАК признавалась террористической организацией², потоки ее финансирования не были перекрыты, вероятно, по той причине, что в Альянсе решили занять выжидательную позицию в косовском вопросе. В случае если бы С. Милошевич пошел на значительные уступки Западу, ему можно было бы сдать в качестве компенсации спонсоров ОАК, но скорее всего уже тогда в НАТО поняли, что югославский лидер не изменит своей позиции, поэтому было принято решение не только не препятствовать деятельности ОАК, но и в завуалированной форме помогать албанским экстремистам. Кульминацией этой поддержки стала проведенная НАТО с 24 марта по 10 июня 1999 г. операция «Союзническая сила», которая создала условия для установления полного доминирования албанских радикалов в Косово. Естественно, что Альянс позаботился и о своем военном присутствии в крае, которое до сих пор сохраняется в формате миссии КФОР.

В июне 1999 г. был произведен вывод югославских войск из 5-километровой наземной зоны безопасности, созданной в соответствии с Кумановским военно-техническим соглашением³. Это привело к формированию на одном из участков этой зоны так называемой Армии освобождения Прешева, Медведжи и Буяноваца (АОПМБ), ряды которой пополняли как боевики расформированной ОАК, так и албанцы-радикалы, проживавшие на территории этих трех общин. При этом миротворцы КФОР не предпринимали в тот момент никаких попыток перекрыть поставки оружия для АОПМБ из Косово.

Необходимо отметить, что тактика действий АОПМБ очень напоминала косовский опыт ОАК. Боевики проводили террористические акты против сотрудников полиции, а также мирных граждан, осуществляли захват заложников. Кроме того, они даже обстреливали позиции КФОР, что могло создать иллюзию того, что интересы АОПМБ и НАТО в регионе не совпадают.

После многочисленных обстрелов позиций югославской армии из минометов и пулеметов в мае 2001 г., а также захвата боевиками окрестных деревень в Белграде было принято решение о вводе войск в наземную зону безопасности с 24 мая⁴. Естественно, что данный процесс проходил под полным контролем Альянса⁵ и стал возможным только после того, как сама организация в марте 2001 г. достигла соглашения с АОПМБ о прекращении огня.

По всей видимости, НАТО позволила югославской армии провести операцию «Браво» только для того чтобы укрепить позиции пришедших к власти в Белграде демократов и продемонстрировать простым гражданам Югославии, что руководство страны может обеспечить их безопасность, а, значит, должно пользоваться их поддержкой. Кроме того, для Альянса было невыгодно, чтобы в Южной Сербии вспыхнул новый масштабный вооруженный конфликт, достаточно было поддерживать здесь нестабильность и добиваться новых уступок от руководства СРЮ. Выбранная тактика оказалась успешной, поскольку сразу после окончания операции «Браво» боевики распушенной АОПМБ, в том числе и полевые командиры, были амнистированы и смогли занять все ключевые административные посты в Прешево, Медведже и Буяноваце.

Полномасштабная албанизация, которая была осуществлена за 15 лет после конфликта в Прешевской долине⁶, привела к тому, что сегодня все активнее звучат призывы к отделению этого региона от Сербии. Вот что заявил в марте 2014 г. председатель Скупщины общины Буяновац Й. Муслию, который ранее был одним из полевых командиров АОПМБ: «Если Москва хочет Крым, тогда Тирана и Приштина должны объединиться с регионом Прешевской долины»⁷. Безусловно, что наличие подобных настроений среди албанского населения Южной Сербии

дает НАТО дополнительный рычаг давления на Белград.

Очевидно, что те события, которые происходили в Косово и других районах Южной Сербии в конце 1990-х гг., не могли не спровоцировать всплеск албанского национализма и в Македонии, где албанцы фактически составляют больше трети населения. В этих условиях НАТО было необходимо лишь грамотно использовать албанский фактор в своей игре. Альянс, по сути, не предпринял никаких мер, чтобы не допустить проникновения оружия с территории Косово в Македонию, а также ограничить передвижение боевиков ОАК, пополнявших отряды Армии национального освобождения.

Ограничившись на первом этапе конфликта лишь декларациями, призывавшими стороны проявлять сдержанность⁸, руководство НАТО приняло активное участие в урегулировании этого кризиса на финальном этапе, проведя три операции, которые были направлены на сбор оружия у албанского населения и мониторинг ситуации в стране. В отличие от Косово легитимность действий Альянса в случае с Македонией не вызывала сомнений. Президент Македонии Б. Трайковский сам обратился к НАТО с просьбой помочь реализовать подписанное в августе 2001 г. Охридское соглашение⁹. Не опасаясь никаких обвинений со стороны мирового сообщества во вмешательство в македонскую политическую жизнь, Альянс смог достаточно успешно провести краткосрочные операции, которые обеспечили стабилизацию обстановки в стране, и при этом сумел сделать так, чтобы албанцы не только не подверглись преследованиям со стороны властей, но и существенным образом расширили свои права.

Анализ использования Североатлантическим альянсом албанского фактора для реализации его региональной стратегии невозможен без оценки отношений НАТО с Албанией, которая с начала 1990-х гг. являлась генератором националистических идей и командным центром для боевиков-албанцев, несмотря на то, что ее политическая элита отрицает данный факт¹⁰. Безусловно, главным вопросом для Брюсселя и Тираны в 1990–2000-е гг. была координация действий в Косово и Македонии, которая проходила в закрытом режиме. Однако существовали и другие аспекты сотрудничества в военной сфере, позволившие Албании успешно завершить процесс евроатлантической интеграции в 2009 г.

Впервые Албания стала фигурировать в официальных политических документах Альянса не как противник, а как потенциальный партнер в 1990 г., когда стало понятно, что вслед за другими государствами Юго-Восточной Европы в стране начинается «бархатная революция», которая не только изменит ее внутривнутриполитическую жизнь, но и трансформирует внешнеполитические приоритеты. В декабре 1990 г. в Албании вспыхнули студенческие беспорядки.

Основным требованием протестующих была немедленная демократизация общественно-политической жизни страны. Председатель президиума Народного собрания Албании Р. Алия пытался на тот момент сохранить свою власть и продлить существование коммунистического режима пусть и в обновленном виде. Тем не менее, помня о печальной судьбе партийных лидеров социалистических государств Восточной Европы, и в особенности о расправе над Н. Чаушеску, он был вынужден пообещать протестующим продолжение реформ, в том числе переход к многопартийной системе.

Изменение подхода к Албании со стороны военно-политического руководства НАТО фактически было зафиксировано в коммюнике Генерального секретаря организации М. Вёрнера от 17 декабря 1990 г., в котором говорилось о том, что Альянс ожидает окончательного распространения демократических свобод в Албании и выражает надежду на то, что реформы, начавшиеся в этой стране, принесут свои плоды¹¹.

Результаты действительно появились уже к марту 1992 г., когда Демократическая партия Албании победила на выборах, а 9 апреля того же года ее лидер С. Бериша был избран президентом страны. Это означало, что Албания кардинальным образом меняет свою внешнеполитическую ориентацию и ее основным приоритетом становится евроатлантическая интеграция. Безусловно, это не могло не радовать Североатлантический альянс, который в тот момент приступал к разработке собственной региональной стратегии на Балканах. Появление в регионе такого союзника как Албания, должно было помочь НАТО активизировать албанские националистические силы на пространстве бывшей Югославии. Гипотетически Тирана могла стать центром паналбанизма, а значит, фактически возрождался проект Великой Албании, от которого, правда, новая демократическая элита сразу же попыталась откренестись, хотя в ходе предвыборной кампании С. Бериша делал ряд громких заявлений, касающихся албанского вопроса¹².

Для того чтобы данный проект был реализован, требовалось создать благоприятный образ Албании, так как у албанцев, проживавших на территории Союзной Республики Югославии и в Македонии, должно было возникнуть желание воссоединиться со своей исторической родиной, воспользовавшись закрепленным в Уставе ООН правом наций на самоопределение. Для этого необходимо было делать ставку не только на развитие политических и культурных контактов, но, прежде всего, на улучшение состояния социально-экономической сферы в стране.

Решение этой задачи было невозможно без притока иностранных инвестиций, поскольку экономика страны была на тот момент полностью разрушена. Капитал из-за рубежа стал поступать сразу же после начала реформ, прежде всего из

европейских государств, США и Турции. Однако коррупция, достигшая в 1990-е гг. угрожающих масштабов, а также албанская мафия, сумевшая за короткий срок создать разветвленную преступную сеть, в которую вошли албанцы из Косово и Македонии, а также достаточно крупные политические деятели Албании, не позволили использовать поступившие в страну деньги для осуществления крупных инфраструктурных проектов. Следовательно, руководству НАТО стало понятно, что необходимо скорректировать «албанский» компонент своей региональной стратегии на Балканах.

Историческая родина, находившаяся в сложной экономической ситуации, не могла стать для албанских ирредентистов тем символом, ради которого стоило бы бороться, к тому же в случае включения ряда территорий СРЮ и Македонии в состав Албании албанское руководство могло быть обвинено в нарушении принципов международного права, а Альянс в такой ситуации оказался бы фактически союзником агрессора. В этой связи нужно было изменить задачу для албанских боевиков, которые должны были добиваться максимально возможной автономии от югославского и македонского правительства, но не помышлять о присоединении к Албании.

Несмотря на то что прозападному правительству, находившемуся у власти с 1992 по 1997 г., так и не удалось справиться с коррупцией и сформировать реально действующие демократические институты в стране, что, казалось бы, должно было вызвать острую критику со стороны руководства Альянса, в реальности все произошло наоборот. Именно в годы президентства С. Бериши был заложен прочный фундамент сотрудничества НАТО и Албании, что позволило впоследствии координировать совместные усилия по ситуации в Косово, а также ускорило евроатлантическую интеграцию государства.

Важным шагом для развития практического сотрудничества между НАТО и Албанией стало ее присоединение к программе «Партнерство ради мира» в 1994 г. Это позволило создать институциональные рамки для взаимодействия в военно-технической сфере и осуществления масштабной оборонной реформы. Особый вклад в формирование евроатлантической повестки дня в этот период внес министр обороны Албании А. Мойсиу, который впоследствии в середине 2000-х гг. стал президентом страны. Он не только приложил все усилия, чтобы ускорить процесс присоединения государства к программе «Партнерство ради мира», но и создал Североатлантическую ассоциацию Албании, которая проводила экспертную работу для реализации данной инициативы¹³.

Необходимо отметить, что во второй половине 1990-х гг. стало окончательно ясно, что албанская армия находится на пороге катастрофы. Свидетельством этого стали события 1997 г.,

когда страну охватили массовые беспорядки, вызванные банкротством крупнейших финансовых пирамид и отказом правительства защитить права обманутых вкладчиков. Протестующие смогли достаточно легко захватить с военных складов сотни тысяч единиц стрелкового оружия, большая часть которого затем попала в руки боевиков ОАК, а многие военнослужащие перешли на сторону мятежников.

Существует версия, что к организации беспорядков могло быть причастно так называемое «греческое лобби» в Вашингтоне¹⁴. Как утверждал бывший глава албанской секретной полиции Б. Газидеде, уволенный со службы после начала протестов, за разработку и реализацию сценария антиправительственного выступления в Албании мог отвечать Дж. Тенет, который в тот момент был назначен директором ЦРУ. Дело в том, что Дж. Тенет происходил из семьи греческих эмигрантов, а его отец родился в Северном Эпире, в этой связи, по мнению Б. Газидеде, он мог быть лично заинтересован в таком развитии событий. Несмотря на то что данная версия выглядит достаточно неоднозначно, она имеет под собой определенные основания.

Во-первых, США могли организовать такую операцию для того, чтобы снабдить боевиков ОАК оружием и при этом не вызвать подозрений у мирового сообщества в том, что американские военные или министерство обороны Албании оказывают им прямую поддержку. Во-вторых, Демократическая партия Албании допустила слишком много ошибок в выстраивании новой политической и социально-экономической системы в стране, что могло негативно сказаться на использовании НАТО албанского фактора в регионе для реализации своей стратегии. В условиях подготовки к решительному дипломатическому наступлению на С. Милошевича по косовскому вопросу руководство США могло решиться на смену «команды» в Тиране, так как требовалось за короткие сроки улучшить образ страны в глазах албанцев, проживавших в Косово.

Социалистическая партия Албании, пришедшая к власти после окончания беспорядков, продолжила курс на евроатлантическую интеграцию. В целом, несмотря на все внутривнутриполитические перипетии, к концу 1990-х гг. в албанском обществе, а также среди основных политических сил страны сформировался консенсус по поводу вступления в НАТО.

В 1999 г. Албания получила план действий по членству в НАТО. С этого момента началась активная подготовка страны к вступлению в Альянс. Важным этапом на этом пути стало подписание в мае 2003 г. так называемой Адриатической хартии вместе с Македонией, Хорватией и США¹⁵. Межрегиональное объединение стран-кандидатов на вступление в НАТО, созданное под эгидой Вашингтона, фактически должно было облегчить

коммуникацию между ними, а также повысить управляемость субрегионом Западные Балканы. Помимо политического диалога наладилось и военное сотрудничество.

На территории Албании неоднократно проводились крупные учения НАТО. В частности, в 2000 г. состоялись учения «Adventure Express» и «Cooperative Dragon». В октябре 2007 г. были проведены учения Сил реагирования НАТО «Cooperative Longbow 07» и «Cooperative Lance 07», которые были организованы по линии программы «Партнерство ради мира»¹⁶. По устоявшейся традиции, для того чтобы продемонстрировать, что Албания может являться донором безопасности, албанское руководство направляло войска для участия в миссиях под контролем НАТО в Боснию и Герцеговину, Афганистан и Ирак. Кроме того, Албания, даже в тот момент, когда она еще не являлась членом Альянса, отвечала за тыловое обеспечение контртеррористической операции «Active endeavour», проводившейся в Средиземном море.

В итоге те усилия, которые предпринимало в течение длительного периода времени руководство страны, увенчались успехом. На саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 г. Албания вместе с Хорватией получили приглашение стать членами Альянса и в 2009 г. обе эти страны вступили в организацию.

Стоит отметить, что теперь у НАТО появляются правовые основания активнее вмешиваться в «албанский вопрос» на Балканах, поскольку организация может объяснить это тем, что защищает интересы народа одного из своих государств-членов. Кроме того, вступление в Альянс слаборазвитой в экономическом и военно-техническом отношении Албании дает понять лидерам других развивающихся государств Евроатлантического региона, что интеграция в организацию возможна и для них, в том случае если они будут последовательно проводить политику в интересах Брюсселя. Более того, было продемонстрировано, что членом НАТО может стать страна с преимущественно мусульманским населением, что несомненно является сигналом для государств Центральной Азии и Азербайджана.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что албанский фактор стал одним из главных механизмов, обеспечивших успешную реализацию региональной стратегии НАТО на Балканах. Достаточно вспомнить о том, что негласная поддержка ведущими странами Альянса и, прежде всего, США действий боевиков ОАК позволила за несколько лет искусственно разжечь пожар межэтнического конфликта в Косово, что создало благоприятные условия для вмешательства НАТО и проведения операции «Союзническая сила» против Союзной Республики Югославии в 1999 г.

После окончания военной кампании в Косово вошел миротворческий контингент

КФОР, подконтрольный Альянсу, что помогло албанским косоварам стать полновластными хозяевами региона. В течение десяти лет НАТО целенаправленно осуществляла подготовку к объявлению независимости Косово. В итоге всему миру было продемонстрировано, что Альянс не бросает своих союзников, а последовательно реализует свою региональную стратегию, учитывая их интересы.

Однако, установив свой военно-политический контроль над Косово, НАТО не остановилась на достигнутом и фактически способствовала пусть и неофициально созданию небольшой по географическим меркам зоны нестабильности в так называемой Прешевской долине в Южной Сербии. Сегодня Альянсу необходимо держать официальный Белград в напряжении, чтобы добиваться от него новых уступок, поэтому организация не заинтересована в окончательном урегулировании ситуации на юге страны. Если конфликт между сербами и албанцами здесь вновь произойдет, то нет сомнения в том, что к его разрешению будут привлечены миротворцы КФОР, что позволит НАТО расширить пусть и незначительно зону своего непосредственного геополитического влияния в регионе. При этом после подписания Сербией и Альянсом договора о логистической поддержке у организации появились возможности беспрепятственно использовать сербскую территорию¹⁷, в том числе и для проведения подобной операции.

Албанский фактор был грамотно использован Альянсом и в Македонии, где в начале 2000-х гг. проходили столкновения между боевиками Армии национального освобождения и правительственными войсками. По окончании конфликта македонское правительство вынуждено было идти на уступки не только в вопросах внутренней политики, но и в отношениях с НАТО. Сегодня Македония находится на финальном этапе евроатлантической интеграции, и вступление государства в организацию препятствует лишь позиция Греции. Тем не менее «успехи» на международной арене контрастируют с тем, что происходит во внутренней политике.

Взрывоопасная ситуация в стране сохраняется благодаря тому, что требования со стороны этнического албанского меньшинства постоянно возрастают¹⁸, а македонское руководство для сохранения хрупкого межнационального мира вынуждено их удовлетворять. В этих условиях у НАТО появляется уникальная возможность контролировать политическую элиту Македонии, которая становится фактически проводником интересов Альянса.

Очевидно, что, несмотря на достижение основных целей в 1990–2000-е гг., Альянс продолжит и дальше использовать албанский национализм в качестве главного козыря своей региональной стратегии на Балканах. При этом фактически работа будет вестись на всем

пространстве, попадающем в границы исторического геополитического проекта «Великая Албания»¹⁹. Безусловно, в центре внимания будут оставаться Сербия и Македония, где у НАТО существуют возможности продолжить эксперименты по созданию контролируемого хаоса, опираясь на союзников в лице радикально настроенных албанцев.

В случае необходимости албанский вопрос может быть актуализирован при негласной поддержке НАТО и в других странах региона, если по каким-то причинам их политика начнет не устраивать Брюссель. При этом в отношении Черногории потенциально будет применен «македонский» сценарий, поскольку на территории 5 восточных и юго-восточных общин страны проживают десятки тысяч албанцев, а в общине Улцинь они представляют большинство населения. Хотя на данный момент это кажется нереальным и бессмысленным, поскольку политика черногорского руководства полностью удовлетворяет Альянс, а в отношениях албанцев и черногорцев отсутствуют неразрешимые противоречия.

В случае с Грецией все может ограничиться дипломатическим давлением со стороны Тираны, а также искусственной активизацией дискуссии в общественно-политической и научной среде по поводу принадлежности греческого Эпира. Большого сделать не получится по двум причинам: во-первых, и Албания, и Греция являются членами НАТО, а значит, Брюссель не допустит роста напряженности между ними, поскольку это автоматически втянет в конфликт Турцию и поставит под угрозу всю балканскую стратегию Альянса, и, во-вторых, греческие албанцы-арнауты полностью эллинизированы.

Определенные трудности у Афин могут возникнуть лишь в так называемой Чамерии – греческой части Эпира, где проживают албанцы-мусульмане, которые могут выдвинуть политические требования в случае ущемления их прав. Однако осторожная политика греческого правительства в национальном вопросе не дает оснований предполагать, что подобные протесты возникнут. Скорее самой Албании стоит опасаться подъема греческого национализма в Северном Эпире.

Стоит отметить, что Альянс в 1990–2000-е гг. был ориентирован не только на содействие в завуалированной форме албанским националистическим силам в различных государствах региона, но и на выстраивание отношений долгосрочного сотрудничества с Албанией. Вступление этой страны в НАТО в 2009 г. только расширило для Брюсселя диапазон использования албанского фактора.

Можно прогнозировать, что отработанная на Балканском полуострове схема с определенными корректировками может быть применена на постсоветском пространстве, в частности на Кавказе и Центральной Азии, где существуют этнические

меньшинства, проживающие на территории сразу нескольких стран региона, и имеются предпосылки для роста националистических настроений. В этой связи Россия должна внимательно проанализировать использование Альянсом албанского фактора в качестве инструмента его региональной стратегии на Балканах и разработать комплекс мер военно-политического, а также гуманитарного характера, включая мероприятия по линии общественной дипломатии, для того чтобы не допустить реализации подобного сценария в зоне своих непосредственных геополитических интересов.

Примечания

- 1 См.: Communiqué following the Meeting of the North Atlantic Council on the Situation in the Former Yugoslavia. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24751.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.05.2016).
- 2 См.: Белоус С. П. К вопросу о роли США в процессе становления и укрепления Освободительной армии Косово (сеп. 1990-х – июнь 1999 г.). URL: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=16779> (дата обращения: 05.05.2016).
- 3 См.: Military Technical Agreement. URL: <http://www.nato.int/kosovo/docu/a990609a.htm> (дата обращения: 05.05.2016).
- 4 См.: Армия СПЮ проводит операцию «Браво». URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1348000/1348481.stm (дата обращения: 05.05.2016).
- 5 Там же.
- 6 См.: Филимонова А. Запад отнимает у Сербии юг. URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/zapad_otnimajet_u_serbii_jug_2011-07-07.htm (дата обращения: 05.05.2016).
- 7 Прешевская долина хочет последовать примеру Крыма. URL: <http://ruserbia.com/politics/2047-preshevskaya-dolina-khochet-posledovat-primeru-kruma> (дата обращения: 05.05.2016).
- 8 См.: Final Communiqué : Ministerial Meeting of the North Atlantic Council held in Budapest, Hungary. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_18892.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.05.2016).
- 9 См.: Statement by the NATO Secretary General. URL: <http://www.nato.int/docu/pr/2001/p01-129e.htm> (дата обращения: 05.05.2016).
- 10 См.: Искендеров П. А. «Великая Албания»: теория и практика // Вопр. истории. 2012. № 1. С. 43, 44.
- 11 См.: Final Communiqué Chairman : Manfred Wörner 17.12.1990. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23690.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.05.2016).
- 12 См.: Vickers M. The Albanians. A Modern History. L. ; N.Y., 1995. P. 230.
- 13 См.: History of NATO-Albania Relations. URL: <http://www.mod.gov.al/eng/index.php/security-policies/relations-with/nato/88-history-of-nato-albania-relations> (дата обращения: 05.05.2016).
- 14 См.: Бовт Г. В Америке обнаружено «православное лобби». URL: <http://www.lobbying.ru/content/>

- sections/articleid_1595_linkid_62.html (дата обращения: 05.05.2016).
- ¹⁵ См.: Adriatic Charter. URL: <http://www.state.gov/p/eur/rls/fs/112766.htm> (дата обращения: 05.05.2016).
- ¹⁶ NATO's Relations with Albania. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_48891.htm (дата обращения: 05.05.2016).
- ¹⁷ См.: Белоус С. Как Сербия балансирует между НАТО и Россией. URL: <http://expert.ru/2016/04/19/assimetrichnaya-nejtralnost-kak-serbiya-balansiruet-mezhdu-nato-i-rossiej/> (дата обращения: 05.05.2016).
- ¹⁸ См.: Балтачева М., Герозникова Е. Европа боится новой войны на Балканах. URL: <http://vz.ru/world/2015/5/12/744771.html> (дата обращения: 05.05.2016).
- ¹⁹ Искендеров П. А. «Великая Албания...» С. 43–44.

Образец для цитирования:

Корнев Е. С. Албанский фактор в региональной стратегии НАТО на Балканах в 1990–2000-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 92–98. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-92-98.

Cite this article as:

Korenev E. S. The Albanian Factor in the Regional Strategy of NATO in the Balkans in the 1990s–2000s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 92–98 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-92-98.
